

Т
И
Т
А
Н

Сергей Лебедев

ТИТАН

Рассказы

издательство **ACT**

Москва

УДК 821.161.1-32
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Л33

Художественное оформление и макет АНДРЕЯ БОНДАРЕНКО

Лебедев, Сергей Сергеевич.

Л33 Титан : рассказы / СЕРГЕЙ ЛЕБЕДЕВ. — Москва : Издательство АСТ : CORPUS, 2023. — 288 с. — (Русский Corpus).

ISBN 978-5-17-152197-4

Когда совершено зло, но живые молчат, начинают говорить мертвые — как в завязке “Гамлета”, когда принцу является на крепостной стене дух отравленного отца. Потусторонний мир, что стучится в посюсторонний, игры призраков — они есть голос нечистой совести минувших поколений.

“Титан”, первый сборник рассказов Сергея Лебедева — это 11 историй, различных по времени и месту действия, но объединенных мистической топографией, в которой неупокоенное прошлое, злое наследие тоталитарных режимов, всегда рядом, за тонкой гранью, и пытается свидетельствовать голосами вещей, мест, зверей и людей, взыскав воздаяния и справедливости.

УДК 821.161.1-32
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-152197-4

- © С. Лебедев, 2023
- © А. Бондаренко, художественное оформление, макет, 2023
- © ООО “Издательство АСТ”, 2023
Издательство CORPUS ®

Содержание

<i>Предисловие</i>	7
Судья Желудков	9
Антонов огонь	37
Обелиск	51
Бармас	73
Амбар	101
Й	125
Ныне ночь светла	159
Титан	199
Бу-у-у	229
19D	243
Поющая на мосту	261

Предисловие

Я помню последние годы советской империи. Помню, хотя и был ребенком, стихийное и повсеместное, внезапное, как извержение вулкана, явление мистических настроений.

Ощущение близящегося конца эпохи всегда пробуждает к жизни мистику. Но Советский Союз был государством атеистическим, построенным на доктрине материализма. Советская идеология — во всяком случае, на словах — предполагала рациональный взгляд на мир, и единственным призраком, допустимым в ее координатах, был “призрак коммунизма”, о котором заявили в XIX веке Маркс и Энгельс.

И тем удивительнее, как быстро явился другой, потусторонний мир, представляющий собой “изнанку” советского сознания; темный чулан, где сохранилось все вытесненное, выброшенное, вычеркнутое из жизни и памяти за семьдесят лет коммунистического правления. Новый мистический фольклор возникал буквально на глазах, из самого воздуха эпохи.

Говорили о недобрых местах, об аномальных зонах, где нарушены физические законы. О странных существах, о *барабашках*, что живут в домах, в квартирах и преследуют непонравившихся им жильцов, стучат,

шумят, меняют местами предметы. О детях, которые рождаются с характерными родимыми пятнами на теле — если их предки были расстреляны.

Сознание людей искало образов, искало языка для описания трагедии — и прибегало к мистическим аллюзиям, которые делают злое прошлое реальным — и одновременно отчуждают его, делают объектом иного мира, иной реальности.

Что ж, призраки действительно не рождаются сами по себе. Их порождает молчащая совесть. Двоение моральной оптики. Они реальны настолько, насколько реальны вытесненные знания о преступлениях и отказ от принятия настоящей ответственности. Они — искаженный, претворенный в мистических образах голос ушедших. Голос непрошенных свидетелей.

Фактически все время своего существования советское государство уничтожало людей — и уничтожало всякую память об уничтоженных. При этом в архивах государственной безопасности до сих пор хранятся миллионы архивно-следственных дел. Миллионы выдуманных обвинений. Миллионы лживых допросов, построенных по единому художественному канону: от отрицания к признанию несуществующей вины.

Эти дела, этот метатекст со своими стандартными сюжетами и жанрами — может быть, главное и страшное российское произведение XX века. Свидетельство зла, остающееся непрочитанным.

Судья Желудков

Судья Желудков приехал на дачу в пятницу вечером, сразу после затянувшегося заседания.

Пробки в городе, пробки на выезде, пробки на шоссе. Красное марево стоп-сигналов. Мелкий косой дождик, заливающий в форточку, когда куришь. Трасса, по которой он ездил еще ребенком, рядом с отцом, на переднем сиденье, знакомая каждым поворотом, каждой туманной низиной. Полос теперь две в каждую сторону, а местами и три, вместо светофоров — бетонные петли развязок, вместо лесов — угловатые башни многоэтажек, новые районы. Но это его дорога, накатанная, наезженная. Сколько мыслей передумано на скорости, сколько схем и комбинаций составлено! Но сейчас, когда важнейший, годами отшлифованный план почти осуществился, дорога вдруг выкинула неприятный фортель: его машину с судейскими номерами, с пропуском-вездеходом на лобовом стекле остановил дорожный полицейский.

Новичок, салажонок, не разобрался. Напарник отругал младшего, подобострастно извинился перед Желудковым, пожелал доброго пути. Но осадочек остался. И судья разозлился, представил, что через месяц-другой у него будет служебная BMW с мигалкой, и тогда никакая сволочь не посмеет... А ведь надо записать фамилию и завтра позвонить его начальству, подумал Желудков. Как он там представился? Музин? Кузин? Зюзин? Фамилия не вспоминалась, словно оставшийся на посту сержант чувствовал попытки судьбы и всеми силами старался увернуться. Желудков так и не вспомнил и потому приехал раздраженный.

Вечер был ранний, стылый. Сразу захотелось в баньку, в парную, на горячий липовый полоч. Желудков пораздумывал пару секунд — и с сожалением отказал себе. Завтра ведь будут гости. Особые гости. Андрей Порфирьевич не любит, когда баня сырая со вчерашнего.

Конечно, он уже мог бы поступить как хочет. Одобрение его кандидатуры состоялось. Он сегодня выполнил свою часть сделки, вынес нужное решение, отказ в рассмотрении дела по существу. Но Желудков привык перестраховываться и не спешить.

Багажник машины был полон еды и спиртного. Желудков выучил вкусы всех четверых гостей и помнил нюансы, например, что Андрей Порфирьевич любит оливки исключительно испанские, зеленые, фаршированные острым перцем, — и знал, что все четверо, будучи выше его по положению, не сочтут его предусмотрительность за попытку выслужиться, встать на задние лапки. Потому и ценят, что он ничего не упускает.

“Заместитель председателя Верховного суда”, — произнес Желудков вслух, смакуя слова — здесь, на даче, никто не услышит, не увидит его самолюбования. Вопрос решен. Завтра его назначение обмолвят, утвердят звоном рюмок, отпразднуют между ведомствами, Матицын из Генеральной прокуратуры, Воронов из Федеральной службы безопасности, Головкин — из Военной Коллегии, Лаппо — первый заместитель председателя Верховного суда, наследник, преемник, это уже известно... Все они учились на юридическом. Лаппо — на три курса старше. Приятельствовали, разошлись. А потом вновь встретились три года назад — из-за того дела, в котором Желудков сегодня поставил точку.

Желудков заприметил это дело загодя, задолго до того, как оно поступило в Верховный суд, поднялось на апелляциях из судов низших инстанций. Он имел своих людей на земле, в некоторых областных и городских судах, сообщавших ему о перспективных процессах. Внимательно читал газеты, присматривался, приценивался.

Свое судейское влияние он скопил именно так — умея уклониться от дел бесперспективных, лавируя, маневрируя, чтобы перехватить дела, на которых *растут*. Дела не обязательно денежные, скорее даже наоборот: мощну не набьешь, борзых щенков от сторон процесса не получишь. Но, если сделал все верно, тебя не забудут. Только такие дела и ведут на самый верх.

Нынешнее дело Желудков взял на карандаш, прочитав статью в федеральной газете. Речь шла всего-то о районном суде, об отказе в эксгумации и анализе

ДНК. Глубокая провинция, местные сюжеты. Но он тут же оценил, кто запрашивал вскрытие. Кто, собственно, и когда был убит. Понял, какие силы в игре: органы безопасности, дипломаты, Администрация Президента. Догадался, что дело наверняка дойдет до Верховного суда, истцы не останутся. И кандидатуру судьи наверняка будут согласовывать с ФСБ.

Он мысленно взвесил дело. Прокрутил все обстоятельства в голове. И осознал: если дело попадет на рассмотрение лично ему, то, с учетом всех предыдущих заслуг, оно обязательно принесет кресло Заместителя Председателя.

Дело еще только буксовало в судах нижних инстанций, а Желудков уже готовился. Поговорил с кем надо, чтобы точно знать, куда дуют политические ветры. Подмаслил одних. Подбросил парутройку размышлений другим. Третьим дал понять, что он-то как раз не хотел бы получить это дело, слишком оно опасное, на таких карьеры ломаются. Четвертым вежливо напомнил про давние обязательства. И в итоге дело само приплыло ему в руки, легло на судейский стол десятками томов. Пост Заместителя ему гарантирован, на это намекнули и Воронов, и Лаппо; важно только все сделать точно.

А вот с точностью пришлось повозиться. За три года большая политика менялась троекратно. И трижды Желудков был вынужден целиком перекраивать судейскую линию.

Сначала склонялись к компромиссному варианту, к частичному признанию ответственности Советского Союза, к тому, чтобы квалифицировать как “убийство по предварительному сговору” и сослаться

на истекшие сроки давности. То есть отфутболить — но мягко.

Потом, после юбилейной речи чужого президента, потребовалось ужесточение: полный отказ от ответственности, но обставленный все-таки дипломатично.

А третья, уже после размещения американских войск, директива была — ответить асимметрично, “харкнуть им в рожу”, как сказал Лаппо. И именно Желудков придумал, как соблюсти хотя бы минимальную видимость юридической процедуры — и нанести тяжелейшее оскорбление.

За три года Желудков привык к тому, что у него по делу проходят тысячи потерпевших. И все они много лет как мертвы. Расстреляны НКВД за три дня в пригородном сосновом лесу. Иногда он даже испытывал неофициальный, ненужный интерес к ним, к чужим мертвецам, чужим офицерам, превратившимся в смерти в одно целое, в человеческий пласт; оставившим после себя архивные залежи: приказы о передислокации лагерей, поэшелонные списки, расстрельные списки...

Желудков знал, что судья должен ограждать, охранять себя. И от обвиняемых, и от потерпевших. Не ради справедливости, торжества права, нет. Смешно даже думать такое. Ради себя самого.

Судейские — узкая каста. Закрытый круг со своими понятиями, историей, фольклором, знаниями, что не выходят наружу, не рассказываются чужим... Прокуроры, полиция, госбезопасность, Администрация Президента — они знают многое, отдают негласные приказы судьям, согласовывают сроки на-

казаний и думают наивно, что варятся в том же самом соку.

Но приговаривает-то все-таки судья! И у судей свое разумение, тайное искусство, какого не найти ни в одной книжке. Одно и то же и для правого приговора, и для неправого. Судья пишет чужую судьбу. И судья должен уметь закрыться от *отдачи*. Этому не учат на юридическом факультете. Это приходит даже не с опытом, а с мудростью.

Желудков умел выносить решение, не вкладывая душевных сил. Приговаривать — как бы не приговаривая лично. За него судили судейский стол, тома законодательства в шкафах, черная чугунная статуэтка каслинского литья, служащая пресс-папье: прицеливающийся с колена солдат в папахе, с шинельной скаткой через плечо; судили графитовый карандаш, которым он правил черновики, само огромное здание суда, его люстры, лестницы, коридоры; хрустальная помутнелая пепельница, и, самое главное, — мантия.

Иные, молодежь, недоумки, меняли мантии чуть ли не каждый год, заказывали новые, лучшего материала, уносили домой, вешали в одном шкафу с обычной, мирной, повседневной одеждой — простофили, что с них взять! Мантия Желудкова висела в его рабочем кабинете в специальном шкафчике, отдельно от уличной одежды. Уходя домой, он запирает ее на ключ и говорил тихо:

— До свиданья, господин судья.

И он никогда, никогда до нынешнего странного дела не позволял потерпевшим забраться к себе в голлову. А *эти*, хотя Желудков и был настороже, все-та-

ки пробрались. Набились в черепашку, как в вагон столичного метро в час пик.

Он бы сдюжил против нескольких десятков. Может быть, против сотни. Но против тысяч... Его победила сила больших чисел. А он, раззява, прошляпил, не догадался заранее, что в загробных делах количество тоже имеет значение, и какое!

Их же вроде бы *нет*, офицеров чужой страны, взятых в плен в тридцать девятом году на давней короткой войне и расстрелянных по приказу Вождя. И какая разница, скольких нет: одного или многих тысяч? Нет ведь и нет. Нет — слово резкое, конечное. Но, получается, они как бы и есть: у Желудкова в мыслях.

Один только раз заглянул в лагерные личные дела. Уточнить нужно было один вопрос, имеющий процессуальное значение. Всего десяток дел просмотрел, анкетные данные почитал, любопытно же стало, фотокарточки поизучал, лица как лица, про некоторых и не скажешь, что поляки, иностранцы, значит...

И стало ему сниться, что входит он в зал судебных заседаний, выносить приговор по *их* делу, садится в кресло свое знакомое, поднимает глаза в зал, где сидит уже публика: журналисты, дипломаты, родственники, агентура подсадная, — и видит, что сидят на стульях мертвецы в мундирах своих истлевших, в фуражках помятых. Молча сидят. Ожидают, что он, судья, скажет.

Желудков не испугался. Не поплыл. Не пошел к врачам: донесут Лаппо или Воронову, и его выведут из дела и спровадят в отставку по состоянию